

ГЛОБАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Редколлегия предлагает обсудить теоретические и практические проблемы, связанные с современным глобальным кризисом, его причинами и последствиями для мировой экономики и экономики России, а также проанализировать действенность антикризисных мер. Представляют большой интерес и оценки возможных вариантов будущего переустройства системы рыночного хозяйствования в посткризисный период. Приглашаем авторов принять участие в таком обсуждении.

В. Т. Рязанов

МИРОВОЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС И ЭКОНОМИКА РОССИИ: ТОЧКА РАЗВОРОТА?

В настоящее время главное внимание экономистов и политиков привлечено к глобальному финансовому кризису и решению сложной проблемы выхода из него. Это неудивительно, если иметь в виду возможное зарождение еще более разрушительных социально-экономических последствий практически для всех стран мира при его дальнейшем углублении. В наступивший трудный период для мировой экономики важно не только разобраться в его истоках и конкретных причинах, но и задуматься о последствиях для самого мирохозяйственного устройства в будущем. Заметим, что одно из значений понятия «кризис» как раз связано с его трактовкой в качестве «поворотного пункта». Вот почему уже сегодня не может не возникнуть вопрос о том, насколько нынешний кризис окажется таким поворотным пунктом в формировании обновленного облика мировой экономики.

Основные характеристики современного кризиса

Мировые экономические кризисы как нарушения равновесия между спросом и предложением в рыночной системе хозяйства происходят с циклическим постоянством. Начиная с первого мирового кризиса 1857 г. за полтора века их было уже около 20. Современный

Виктор Тимофеевич РЯЗАНОВ — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ. Окончил Экономический факультет ЛГУ (1972) и аспирантуру (1978). С 1968 г. работает в ЛГУ, с 1972 — на Экономическом факультете. В 1989–1994 гг. — декан факультета, с 1995 г. — зав. кафедрой. Автор более 140 научных работ, в том числе 11 монографий (4 индивидуальных и 7 коллективных: руководитель авторских коллективов, автор, соавтор). Научные интересы: теория экономического развития России, макроэкономические и институциональные проблемы переходной экономики. Избран действительным членом Академии гуманитарных наук и РАЕН. Заслуженный работник высшей школы РФ.

© В. Т. Рязанов, 2009

кризис, который стартовал в 2007 г. на ипотечном рынке США, затем стал стремительно захватывать все новые сферы финансовой деятельности, напоминая этим действие вирусной инфекции. С учетом его поражающей способности он достаточно быстро набрал обороты уже в качестве мирового финансового кризиса с высокой вероятностью превратиться в полномасштабный (системный) экономический кризис с падением производства в реальном секторе экономики и другими негативными проявлениями. Для общей оценки наступившего кризиса следует особо выделить три его принципиальные характеристики.

Во-первых, этот кризис представляет собой первый мировой кризис глобального капитализма, наступивший после распада мировой социалистической системы. С этой стороны его следует определить как кризис нового типа, выражающийся в *кризисе глобализации* с высоким потенциалом серьезного обострения внешнеполитических и цивилизационных конфликтов. Строго говоря, это вторая волна кризиса глобальной экономики. Первая его волна началась в 1994–1995 гг. («мексиканский кризис») и продолжилась полномасштабным кризисом 1997–1998 гг. в основном на периферии глобальной экономики, получив название «азиатского кризиса», который накрыл и экономику России, особенно запомнившись дефолтом, произошедшим в августе 1998 г. Завершающие его всплески прокатились по странам Латинской Америки (Бразилия, Аргентина и др.) в 1998–1999 гг.¹

Важно подчеркнуть, что обе эти кризисные волны при своем зарождении имеют совпадающие характеристики. Как в одном, так и в другом случае первоначальное обрушение финансовой сферы возникло внезапно и после периода бурного разгона экономики². Сама эта сфера трактовалась в качестве главного локомотива экономического развития, а ее обвал послужил запускающим механизмом последующего кризисного обострения.

Нельзя также не обратить внимание и на серьезные отличия между ними. Азиатский кризис начинался в валютной сфере и охватил ее в первую очередь, стартовав с падения тайского бата весной 1997 г., продолжился масштабными девальвациями национальных денежных единиц и крупнейшими суверенными дефолтами в мировой экономической истории³. За полгода курсы валют пяти азиатских стран, оказавшихся в самом эпицентре финансового краха, — а это Таиланд, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Южная Корея — упали в 2–4 раза с последующим обесценением всех активов (в частности, с падением индекса курса акций на 48–83%), бегством капитала и долговым кризисом⁴.

Относительно причин первой волны глобального кризиса высказываются разные мнения. Но большинство экономистов выделяют в их числе такие, как недостаточное развитие финансовой системы этих стран, ошибочная политика фиксации валютных курсов в условиях стремительного наращивания внешней задолженности, безграничная либерализация финансовой сферы, что сделало их чрезвычайно уязвимыми к атакам спекулятивного капитала, и др. Хотя в возникновении чрезвычайных хозяйственных трудностей всегда действует целая совокупность факторов, но даже в этом случае можно выделять наиболее значимые в их составе. Так, по мнению Дж. Стиглица, который с 1997 по 2001 г. занимал должность главного экономиста и вице-президента Всемирного банка, таковым стала реализация курса на полную либерализацию рынка капиталов в регионе Восточной Азии, которая была осуществлена под непосредственным давлением МВФ и Министерства финансов США⁵. В подтверждение своего вывода им приведены объемы масштабного бегства иностранного спекулятивного капитала. В случае Таиланда оно составило 7,9% от ВВП в 1997 г., 12,3% в 1998 г. и 7% от ВВП в первой половине 1999 г.⁶

Другого мнения, к примеру, придерживается Дж. Сорос, который считает, что самой непосредственной причиной экономических неурядиц в странах Восточной Азии оказалась непродуманная валютная политика⁷.

Что касается современной кризисной волны, то ей пока не свойственны серьезные потрясения в валютной сфере, ситуацию в которой удастся удерживать в рамках управляемой коррекции валютных курсов за счет отказа от политики их фиксирования. Тем не менее кризис, развиваясь по схеме цепной реакции, продолжает захватывать новые сегменты финансовой системы — от ипотеки к страхованию и далее на фоне растущего кризиса ликвидности к сбоям в системе кредитования всей экономики с последующим наступлением рецессии в производстве.

Наконец, отметим и такую деталь. Эпицентр азиатского кризиса находился на периферии мирового хозяйства и при его движении к центру характеризовался затухающим эффектом. Современный кризис, возникнув в центре мировой экономики, постепенно набирает обороты, распространяясь по всему глобальному экономическому пространству. Предшествующий этап всеобщего бума сменился вступлением мировой экономики в период повсеместного спада.

Во-вторых, нынешний кризис выступает как *кризис модели глобального либерализма*, свидетельствующий о подрыве фундаментальных оснований современного мирохозяйственного устройства и господствующих либеральных экономических теорий. Дело в том, что начавшаяся с конца 1970-х годов либеральная революция в теории и на практике, получив мощное подкрепление в крушении мировой социалистической системы с последующими пролиберальными рыночными реформами, наиболее адекватно воплотилась в функционировании финансовой системы. Сектор реальной экономики с отлаженной системой государственного регулирования даже в условиях реализации масштабных приватизационных программ в силу разных причин, прежде всего связанных с необходимостью поддержания национальных конкурентных позиций и в этих целях сохранения в нем монополистических структур, так и не стал по-настоящему полигоном в реализации либеральной экономической модели. Другое дело — финансовая сфера, в которой практически были демонтированы национальные регуляторы и не были созданы замещающие наднациональные институты эффективного контроля⁸. То новое, что появилось в сфере международного регулирования финансовой деятельности, а это создание в 1982 г. Парижского и Лондонского клубов кредиторов, возникновение международных рейтинговых агентств, использование с 1988 г. в практике хозяйствования Базельского стандарта минимального размера собственного капитала коммерческих банков (КБ) и некоторые другие меры, безусловно, по своим возможностям значительно уступают ранее действующим сдерживающим инструментам. Все это и позволило обеспечить наивысшую степень либерализации на финансовых рынках.

Тем самым либерализм как теория и практика в своей последней предкризисной версии может рассматриваться как победивший *финансовый капитализм* в его длительной конкурентной борьбе с промышленным капитализмом⁹. В истории возвышения финансового капитала можно выделить прохождение четырех последовательных фаз:

- возникновение финансового капитала как вспомогательной сферы хозяйственной деятельности, обслуживающей развитие производственно-потребительского сектора;
- сращивание промышленного и финансового капитала с появлением промышленно-финансовых групп и интеграцией экономических интересов;
- автономизация и самостоятельное доминирование финансового капитала вне зависимости от реальной экономики;
- формирование финансовой системы, функционирующей в наднациональном (глобальном) режиме.

То, что именно финансовые рынки в условиях высокой мобильности капитала смогли подорвать национальные рамки в своей деятельности, превратило их в авангард

глобальной экономики, усиленный к тому же массовым внедрением современных информационных технологий. Если ранее национальные финансовые системы в конечном счете были нацелены на создание механизма эффективного перевода сбережений в инвестиции и обеспечивали нормальное функционирование национального воспроизводственного комплекса, то для современного периода стало характерным превращение финансов в глобальную сеть, работающую практически непрерывно на всех континентах в режиме реального времени и при этом прочно не привязанную к реальному сектору экономики. Вполне закономерно, что предположения о переходе к эпохе глобального капитализма в первую очередь подкреплялись складывающейся ситуацией в финансовой сфере.

Уже в таком ее новом положении заложена внутренняя несопряженность современного мирохозяйственного устройства. Она связана с тем, что масштабная либерализация финансовых рынков в условиях сохраняющейся относительной закрытости национальных сегментов реальной экономики создает рассогласованность и внутреннюю конфликтность в хозяйственной деятельности, усиливая разрыв открытости финансов с обособленностью национальных экономических интересов и тем самым еще более отдаляя финансы от производства. Иначе говоря, превращение финансовой сферы в самодостаточную, функционирующую автономно как глобальная сеть создает опасный разрыв с производством, которое продолжает развиваться преимущественно в рамках национально-воспроизводственного комплекса.

Другим важным следствием возвышения и обособления финансовой сферы стала серьезная трансформация природы циклических кризисов. Из классического варианта кризиса перепроизводства они окончательно превратились в финансовые кризисы, с которых начинаются экономические потрясения и которые затем распространяются — с разной степенью интенсивности — на остальные сферы хозяйственной деятельности, включая производство.

В-третьих, современный кризис, пока еще с непроявленными до конца последствиями, тем не менее, уже с достаточной степенью вероятности может рассматриваться как точка разворота в мировой хозяйственной системе и в национальных экономических моделях, а также, что немаловажно, и в экономической науке. Поэтому наступивший кризис при всей важности его финансовой составляющей вполне оправданно трактовать в качестве *системного кризиса*, проявляющегося, в частности, в кризисе самой парадигмы развития. Ведь под сложившийся финансовый гегемонизм было подверстано соответствующее теоретическое обоснование и перестроена законодательная база, максимально облегчающая ведение бизнеса как «делание денег». Весьма символично и то, что наступлению нынешнего мирового кризиса предшествовал кризис экономической науки, который активно обсуждался экономистами в последние 15–20 лет в контексте неспособности неоклассической теории достоверно и точно объяснить происходящие изменения в мировом хозяйстве.

Вероятность смены теоретической парадигмы и стратегии развития в посткризисный период высока. Именно так произошло в капиталистической системе хозяйства после Великой экономической депрессии 1929–1933 гг., когда на смену государственному невмешательству в экономику пришел черед использования кейнсианских методов активного государственного регулирования рыночной экономики, определившего соответствующую «длинную волну» в развитии капитализма. И, в свою очередь, новый разворот в теории и практике хозяйствования состоялся после второго по масштабам кризиса 1974–1975 гг.

Таким образом, современный мировой кризис, в котором переплетены кризисы разных типов (глобализации и финансово-экономического либерализма, системы хозяйствования и экономической науки) и в котором также присутствуют традиционные циклические параметры — все это придает ему масштабность и повышенную опасность.

Истоки и причины кризиса

Анализируя истоки современного мирового финансового кризиса, можно было бы ограничиться той оценкой, которая содержится в Послании Предстоятелей поместных православных церквей, принятом в октябре 2008 г. в Стамбуле. В нем экономический кризис назван порождением «извращенной экономической деятельности, лишенной человеческого измерения», результатом которой стала «погоня финансистов за наживой, часто приобретающей маниакальный характер»!¹⁰ При этом церковные иерархи подчеркнули, что православные наравне с другими ответственны за кризис, потому что не противостояли ему в должной мере «словом и верой».

Высказанную оценку трудно оспорить. Хотя она и отличается лаконичностью, но весьма точно отражает саму суть хозяйственных реалий, сложившихся в мире. Все же проанализируем более детально причины наступления кризиса.

В первую очередь речь идет о переходе к экономической модели, по своим главным параметрам и целям ориентированной на достижение краткосрочной выгоды. Это равнозначно стремительному разрастанию роли спекулятивного фактора в современной рыночной экономике, неограниченного фактически никакими экономическими и этическими рамками. Возникновение преимущественно спекулятивной экономической модели, которую по-другому и не без основания называют «экономикой казино», стало результатом серьезной внутренней перестройки и одновременно привело к многочисленным переменам в ее функционировании.

Важное изменение произошло уже в самой природе денег. По-прежнему выполняя традиционные функции, деньги тем не менее с учетом их чрезвычайно возросшей роли в жизни мирового сообщества и даже с точки зрения определения превратились в «*универсальную самовозрастающую стоимость*», что особенно характерно на примере ведущих валют мира. Можно предположить, что деньги в этом своем качестве приобрели особую полезность, которая дополняет выполнение ими обычных функций. При этом такая полезность значима не только для предпринимателей, но и, по сути дела, для любого экономического агента.

Собственно в такой характеристике денег не содержится принципиальной новизны. Достаточно обратиться к таким подзабытым категориям капиталистической системы хозяйствования, как «всеобщая формула капитала» и «товарно-денежный фетишизм», разработанным еще К. Марксом. Или, что еще более уместно, вспомнить Дж. М. Кейнса, который в отличие от классической школы, трактующей деньги в качестве инструментов обращения и сохранения стоимости, особое внимание уделил так называемому спекулятивному мотиву в использовании денег¹¹. Такой мотив связывался с ориентацией на будущие доходы, которая формируется у инвестора на основе знания рыночной конъюнктуры, что и закладывает необходимую основу для возникновения спекулятивной игры на финансовых рынках. Правда, в 1930-е годы этот мотив еще не приобрел всеобъемлющего характера, а в теории Кейнса он уравновешивался другими поведенческими факторами — предпочтением ликвидности, определяемым мотивом предосторожности и трансакционным мотивом.

Относительная новизна природы денег заключается в неограниченности действия их самовозрастающего механизма, который работает практически самостоятельно,

т. е. без опосредствующего их превращения в функционирующий капитал, используемый для производства действительных экономических благ. Бизнес превратился в «делание денег из ничего». Иначе говоря, произошел практически разрыв оборота денег с развитием производственно-потребительского сектора экономики, что усиливает неустойчивость финансовых рынков и самой хозяйственной системы. Создание глобальной финансовой сети, в которой многочисленные денежные инструменты и национальные денежные единицы обращаются в непрерывно расширяющемся пространстве, с точки зрения устойчивости не компенсирует утраты связи денег (финансов) с реальной экономикой.

По оценкам, в настоящее время всего лишь 2–3% всех финансовых операций относится к реальному сектору экономики, а остальное — это операции между самими финансовыми институтами. При дальнейшей экспансии спекулятивной модели вполне было ожидаемо появление, к примеру, такого экзотического спекулятивного рынка, как «рынок погодных колебаний». Почему нет? Ведь на этом рынке стихийно и без непосредственного участия человека создается сама по себе непредсказуемо высокая «волатильность», которая придает спекулятивной игре столь желаемую возможность для проявления азарта. На таком рынке в буквальном смысле можно делать деньги из «воздуха».

Еще важно подчеркнуть то обстоятельство, что в спекулятивные инструменты превратились реальные экономические ресурсы и блага, имеющие ключевое значение для современного экономического развития — нефть, земля, продовольствие, недвижимость и т. д. Особенно это характерно для рынка нефти. По оценкам, объем рынка нефтяных фьючерсов в 20 раз превышает объемы реальных продаж нефти¹². Это означает, что динамика и уровень цен на нефть определяются не соотношением спроса и предложения, формирующемся на этом рынке, и даже не степенью влияния монополистов (ОПЕК), а зависят от действия спекулятивных сил. Огромная роль спекулятивной составляющей в цене на нефть подтверждается действующими ныне на этом рынке тенденциями. Всего за несколько месяцев, в течение которых не произошло никаких фундаментальных изменений в соотношении предложения нефти и реального на нее спроса, тем не менее цена на мировых рынках упала почти в 4 раза (максимальное значение в июле 2008 г. превышало 147 долл. за баррель, а в начале декабря 2008 г. цена падала ниже 40).

В результате современная рыночная система, в первую очередь на примере США, представляет собой огромный навес необеспеченных долгов с реальной опасностью превратиться в огромный поток бумажных необеспеченных денег, созданный кредитной экспансией и многочисленными финансовыми фондами из «пустоты», которая затем «перерабатывается» финансовыми институтами при помощи непрерывно создаваемых новых финансовых инструментов, приносящих доход. Такая ситуация придает деньгам особую взрывоопасность, которая предопределена содержащимися в них противоречивыми и, казалось бы, взаимоисключающими характеристиками. С одной стороны, они выступают универсальным средством обеспечения непрерывного самовозрастания, особенно применительно к ведущим валютам мира, с другой — при бесконтрольном их использовании сами деньги превращаются в главный дериватив, максимально нагруженный разнообразными рисками и неизбежными инфляционными обвалами.

Разрастание финансовой пирамиды подтверждается многочисленными примерами, в частности, через сопоставление глобальных финансовых активов с величиной мирового ВВП, который в 2005 г. равнялся 45 трлн долл., в сравнении с ним капитализация фондового рынка составляла 42 трлн долл., корпоративные ценные бумаги — 36,3, государственные ценные бумаги — 23,4, инвестиционные фонды — 21, пенсионные фонды — 17,9,

страховые фонды — 16, резервы (исключая золото) — 4,2, суверенные фонды — 3,1, хедж фонды — 1,4 трлн долл.¹³

Суммируя данные по финансовым активам, получаем, что они более чем в 3,5 раза превышают объем мирового ВВП. Заметим, что еще в 1980 г. такая финансовая глубина ВВП составляла 119% (финансовые активы равнялись 12 трлн долл., мировой ВВП — 10 трлн долл.).

Соотнесение финансовых активов с ВВП, возможно, и не самый точный параметр разрастания сферы финансов, но и он вполне убедительно подтверждает факт нарастающей диспропорциональности в развитии современной модели рыночной экономики и явный перекос в сторону ее финансовой составляющей. Хотя сам вопрос о безопасном уровне финансовой глубины национальной экономики, так же как и мирового хозяйства в целом, требует дополнительного исследования.

Финансовые рынки, утратив связь с производственно-потребительской экономикой, закономерно приобрели чрезмерно возросшие риски, обусловленные высокой степенью их неустойчивости и подверженностью сильным колебаниям. Разрешить эту ключевую слабость их функционирования на основе действующей до кризиса модели хозяйствования пытались традиционным для рыночного фундаментализма способом — через активное подключение рынка. В этих целях создаваемые многочисленные производные финансовые инструменты должны были, по идее, обеспечить надежное перестрахование финансовых операций. Считалось, что при помощи рынка удастся ограничить и переложить риск на рынок за счет манипулирования и несовпадения интересов и действий участников, уступающих и принимающих дополнительные риски. Отсюда и стремительное и, что особенно опасно, бесконтрольное нарастание объема используемых деривативов с полным отрывом их от реальных (обеспеченных) активов. Так, рынок одного из наиболее распространенных финансовых инструментов — кредитных свопов (CDS), страхующих от дефолта, оценивается в диапазоне от 33 трлн до 62 трлн долл.¹⁴ При этом общий объем рынка производных инструментов, по оценкам, достигает 286 трлн долл., что в 5 раз больше мирового ВВП (в 1990 г. их объем определялся в 3,5 трлн долл.).

Особенно высокая опасность возникшей пирамиды деривативов заключается прежде всего в двух их принципиальных отличиях от других ценных бумаг. Во-первых, их оборот осуществляется в основном в режиме внебиржевых сделок, что ведет к бесконтрольности в наращивании эмиссии бумаг. Во-вторых, в их обороте отсутствует надежное страховочное обеспечение. По сути дела, это долги, которые не подкреплены реальными активами. Поэтому при развале такой пирамиды чрезвычайно сложно провести необходимую санацию через погашение «плохих» активов и на этой основе оздоровить финансовую систему с восстановлением доверия к ней. Произошедший крах деривативной пирамиды напоминает разгорающийся пожар, в котором никак не обнаружить очаг возгорания.

Образование спекулятивной модели экономики предопределило значительный сдвиг в экономическом поведении институциональных инвесторов и широкого круга экономических агентов, включая домашние хозяйства, которые все в возрастающей степени в своих действиях ориентированы на достижение краткосрочных выгод. Можно сказать, что модель предпринимателя-инноватора, как ее формулировал Й. Шумпетер, сменилась на модель предпринимателя-спекулянта, озабоченного использованием «новых комбинаций» исключительно ради стремительного финансового обогащения.

Приведем некоторые примеры. Если еще 15 лет назад средний срок нахождения акции в одних руках составлял 4,5 года, и это означало, что инвестор ориентирован на получение дивиденда как формы своего, хотя и косвенного, но заинтересованного участия

в хозяйственной деятельности корпорации, то сейчас этот срок не превышает 4 месяцев, и расчет инвестора в данном случае сосредоточен на операциях с динамично меняющимся курсом акций. Биржевые маклеры в течение своего рабочего дня совершают по несколько тысяч сделок, а брокеры-рекордсмены таких сделок могут совершать до 5 тыс. в день. При этом отметим, что в США акциями владеет более 40% взрослого населения (для сравнения: в ЕС акционеров насчитывается около 18% взрослого населения, в РФ — меньше 1%).

Даже в структуре денежных сбережений физических лиц произошли изменения, свидетельствующие о переключении их экономического интереса на краткосрочные (спекулятивные) вложения. Так, в 1980 г. на депозиты приходилось 42% сбережений населения США, в 2005 г. их доля сократилась до 27%.

Изменившиеся роль и функции денег в современной модели экономики привели к ряду серьезных последствий, касающихся, в частности, монетарной политики. Оказалось, что более чем трехкратное опережение роста денежной массы (МЗ) в сравнении с ВВП, наблюдаемое в последние 15 лет в США, не разогнало инфляцию (рост цен не превышал 1,5–2,5% в год). Формально это можно объяснить тем, что долларова эмиссия поглощалась мировым хозяйством с учетом фактического выполнения долларом функции мировой резервной валюты. Однако и в других странах с развитой финансовой системой складывалась похожая ситуация, что указывает на ее сформировавшуюся способность абсорбировать денежные излишки. В этой связи весьма знаменательным представляется утверждение бывшего председателя ФРС и идеолога современного финансового гегемонизма А. Гринспена, который доказывал, что само представление о денежной массе, которую можно измерять и контролировать, является «устаревшим»¹⁵. Тем не менее накопленный инфляционный потенциал в мировой экономике огромен и опасен. Пока его удастся сбрасывать на периферию мирового хозяйства, но он может взорваться и в масштабах всего глобального пространства. Не исключено, что по мере преодоления кризисных процессов в финансово-банковской сфере на передний план по степени значимости выдвинется проблема глобальной инфляции.

Еще одно важное изменение относится к механизму рыночной оценки бизнеса и стоимости компаний, который определяет действие рыночного способа перераспределения свободных денежных ресурсов в наиболее прибыльные (эффективные) производства. Произошла фактическая утрата этой функции, поскольку современный фондовый рынок и используемые им институты (в частности, рейтинговые агентства, разнообразные аналитические службы) перешли к оценке не фактической прибыльности и эффективности функционирующего бизнеса, а к расчету будущих доходов через механизм дисконтирования и с использованием механизма торговли рисками на репутационной основе. Это еще более ослабило роль реальных производственных результатов в пользу финансовых достижений, усилив возможность манипулирования и просто заведомого обмана, с помощью которых можно показывать доходность и рост будущих прибылей вне зависимости от реальной деятельности, а создаваемый «игровой» механизм страхования (т. е. через сделку-пари) призван ослабить опасность высоких рисков¹⁶.

Если отвлечься от спекулятивной роли фондовой биржи, то можно считать, что она с точки зрения выполнения важных экономических функций перераспределения капитала превратилась в экспонат «в музее экономических древностей». Поэтому либо ей место в этом «музее», либо серьезное очищение от спекулятивного нароста в целях восстановления в качестве необходимого регулирующего института рыночной экономики.

Наконец, при такой внедренной спекулятивной модели экономики инвестиционное поведение экономических агентов, так же как и в целом хозяйственная деятельность, подчиняются уже не столько экономическим законам и принципам, сколько законам

психологии, которые к тому же все чаще имеют дело с примерами не рационального, а иррационального поведения. Ведь само по себе стремление к беспредельному обогащению, замешанное на страсти человека к азарту, не может рассматриваться как признак рационального поведения нормального человека, даже экономического. Можно уверенно констатировать, что классическая модель Homo Economicus сменилась вариантом Homo Speculativus. Отсюда огромный простор для манипулирования, рынки превратились в площадки зарождения внезапных и самых невероятных ожиданий, сменяемых также мгновенно возникающими паническими настроениями. Иррационально происходящие взлеты и падения на финансовых рынках раскрывают экономику как принципиально неуправляемую и, более того, даже не прогнозируемую систему, поскольку в ее изменениях уже преобладают не экономические факторы, а субъективные мотивы и необъяснимые действующие спонтанные факторы. Наверное, один из запоминающихся образов произошедшей трансформации в мире экономики — это история о том, как нормальная товарно-рыночная экономика превратилась в «коварно-рыночную» экономику.

Для раскрытия особенностей функционирования современной спекулятивно-рыночной модели в качестве ключевой характеристики необходимо еще выделить ее полномасштабное становление как глобальной системы. Все ее признаки, достоинства и недостатки, так же как и произошедший обвал, могут быть достоверно оценены именно с учетом данного обстоятельства. Фактически устранив связь финансов с производством, которое по-прежнему развивается преимущественно в национально-воспроизводственном контуре и не превратилось в глобально организованное хозяйство, финансовая система утратила устойчивость. Придание ей достаточной надежности через создание глобальной финансовой сети, в которой многочисленные денежные инструменты и национальные денежные единицы обращаются в едином (глобальном) пространстве, не компенсирует утраты связи с реальными экономическими активами. Можно сказать, что «эффект масштаба» применительно к глобализации финансового пространства сыграл роковую роль. Он способствовал экономии и повышению эффективности организации самой финансовой деятельности, но и одновременно привел к появлению в ней опасных внутрисистемных рисков, прежде всего связанных с возможностью возникновения огромного навеса необеспеченных долгов.

В оценке глобализации сферы финансовых отношений важно учитывать и другое принципиальное обстоятельство, связанное с исторически сложившимся центр-периферическим устройством мирового капиталистического хозяйства. В своем работоспособном режиме оно основывалось на том, что «центр» выступал поставщиком товаров (услуг), инвестиций, инноваций, идей, ценностей и т. д. Что касается «периферии», то она обеспечивала его сырьем, одновременно взамен получая товары, инвестиции, инновации и т. п. Конечно, данное устройство далеко от идеального, но, собственно, именно в такой организации капиталистическая система себя имманентно воспроизводит и оправдывает. В условиях закрепления модели финансового капитализма такое относительно сбалансированное взаимодействие оказалось нарушенным. На начальном этапе снижение ее работоспособности произошло в условиях утраты «центром» роли мирового лидера в производстве товаров, которое переместилось в периферийные регионы с более низкими издержками. Но особенно она оказалась уязвимой, когда в процессе произошедшей серьезной перегруппировки в мировой экономике сложилась для нее новая ситуация в сфере движения капитала, которую иллюстрирует такая формула: «избыток капитала на периферии» — «дефицит в центре (в США)».

Возникший дисбаланс даже при способности финансового капитала создавать деньги из «пустоты» оборачивается необходимостью использования перераспределительного

механизма, призванного устранить такую экономическую иррациональность. Формально возникла новая модель поддержания равновесия в мировом хозяйстве. Хронический дефицит в США покрывался излишками капитала прежде всего за счет восточно-азиатских (КНР, Япония) и нефтеэкспортирующих стран. Так, в 2006 г. при дефиците счета текущих операций США в размере 857 млрд долл. (или 6,5% ВВП) профицит в странах с избыточным капиталом составил около 1,3 трлн долл., из него на долю нефтеэкспортирующих стран пришлось 484 млрд, стран Восточной Азии — 446, западноевропейского региона — 306 млрд долл.¹⁷

Приведенное соотношение дефицита и излишка капитала в мировой экономике, которое в целом характерно для последних 15 лет, свидетельствует о действии еще одной важной причины нынешнего глобального кризиса. Речь идет о критически сформированном потенциале *перекапитализации* в масштабах мирового хозяйства, которая проявилась в неспособности глобальной финансовой сети абсорбировать переизбыток денежного капитала. Избыточным он еще стал и потому, что огромные денежные потоки со всего мира, которые были направлены в США (до 80% от всего мирового потока капитала) и пошли на погашение дефицита, использовались не на развитие экономики, а были потрачены на потребление государством в интересах поддержания геополитической гегемонии в мире и для обеспечения высокого уровня жизни американского населения. Это привело, по существу, к нулевой норме сбережений и стремительному нарастанию задолженности США, общая величина которой превышает 50 трлн долл., что уже составляет 90% мирового ВВП. При этом госдолг в 2000–2008 гг. вырос с 5,7 до 10,7 трлн долл.¹⁸

Такая новая модель мирохозяйственного устройства, заложившая серьезные перекосы в глобальной финансово-экономической системе и превратившаяся в неравновесную модель, требует коренной трансформации. В простом варианте возникший мировой дисбаланс может быть снят при помощи девальвации или инфляционным способом. Однако глобальный инфляционный накат чреват мощными экономическими и социальными потрясениями, а потому лучше всего его избежать. Но тогда не обойтись без коренных изменений в мировой валютно-финансовой системе.

Глобальный кризис и Россия: опасности и угрозы

Кризис в экономике России начался позднее, чем в США и других развитых странах. Это породило иллюзию, что наша экономика имеет надежный антикризисный заслон. В этой связи весьма характерна эволюция оценок представителей российских экономических властей относительно разворачивающегося мирового кризиса. В начале лета 2008 г. они уверенно говорили об экономике России как «финансовой гавани» и «острове стабильности». Затем доказывали, что в стране создана надежная «подушка безопасности, защищающая страну от кризиса», что должно было подтвердить мудрость власти в замораживании накопленных нефтедолларов в качестве страхового резерва. Наконец, когда экономика РФ оказалась в кризисной ловушке, самым распространенным стало утверждение о том, что экономика России — «жертва глобального кризиса, рожденного в США (на Западе)».

Представляет определенный интерес то, как поэтапно разворачивался кризис в экономике России. Можно выделить следующие его фазы: (сентябрь 2008 г.) обвал фондового рынка под влиянием стремительного падения цен на нефть и оттока иностранного капитала¹⁹ → кризис ликвидности (доверия) и ослабление рубля → распространение кризиса на весь финансовый сектор (проблемы рефинансирования долгов и кредитования, ползучая

девальвация и т. п.) → (ноябрь 2008 г.) спад в строительстве и промышленности ... → (возможная волна банкротств и безработица).

Итак, прошло менее трех месяцев и экономика России из «острова стабильности» вошла в полноценный финансово-экономический кризис с падением промышленного производства, которое в ноябре 2008 г. составило 8,7% в сравнении с ноябрем 2007 г. При этом одно из отличий вхождения РФ в кризис связано с незначительной ролью обвала на ипотечном рынке, что объясняется несравнимо низкой его развитостью. В РФ к началу кризиса сумма выданных ипотечных кредитов равнялась 974,5 млрд руб., а это чуть более 2% ВВП. В США задолженность по ипотеке превысила 9 трлн долл. (70% ВВП). Как видно, объемы ипотеки в двух странах совершенно несопоставимы, что рождает представление об отсутствии причин кризиса в российской экономике.

Тем не менее кризис поразила российскую экономику, и было бы совершенно неверно его связывать только с «вирусным» действием американской экономики, распространяемым благодаря открытости глобальной сетевой структуры финансового капитала. В действительности главные его причины находятся внутри экономики России. И одна из них связана с ограниченной и неполной оценкой кризисного развития страны в 1990-е годы, завершившегося огульным дефолтом 1998 г., причина которого находилась в уязвимости самой выбранной экономической модели. Из прошлого периода российская власть усвоила только часть необходимых уроков. Восстановление налоговой дисциплины и укрепление госфинансов через поддержание профицитного бюджета, создание значительного объема валютных резервов, досрочное погашение государственного внешнего долга — вот самое существенное, что было сделано Правительством в постдефолтовый период и что им рассматривалось в качестве надежной защиты от внешних спекулятивных атак на национальную валюту и финансовые рынки и что должно было создать прочную основу для динамичного и устойчивого экономического роста.

То, что такие меры важны для создания работающей хозяйственной системы, не вызывает возражения. Но это самые элементарные и простейшие уроки из случившегося, и, как показало время, они явно недостаточны. Ограниченные их возможности даже в удержании экономического роста маскировались невиданным ранее притоком нефтедолларов. Стоит напомнить, что суммарная выручка от экспорта нефти, газа и нефтепродуктов за 2000–2007 гг. превысила 895 млрд долл., в том числе государство из нее в виде налогов и пошлин получило свыше 730 млрд долл.²⁰ То есть среднегодовые вливания в экономику экспортных доходов от энергоресурсов составляли примерно 100–120 млрд долл., в то время как в 1997 г. такие поступления равнялись около 22 млрд долл.

Теперь уже ясно, что «нефтяной фактор» и, соответственно, смена внешней конъюнктуры для российской экономики играют более драматическую роль, чем даже утверждения об этом многочисленных критиков Правительства. Это свидетельствует о хрупкости и односторонности сложившейся в процессе рыночных реформ 1990-х годов и затем последующего периода стабилизации рентно-сырьевой модели экономики. Этим и объясняется кажущийся парадокс, когда недостаточное развитие финансовой системы РФ должно было, по идее, ограничить кризисное влияние на нашу экономику, а получилось наоборот. Как оказалось, при появлении трудностей возникшая хозяйственная система легко поражается «экономическими вирусами», приходящими извне.

Конечно, нынешний кризис в России является отражением действия глобальной кризисной волны, приведшей к обвалу цен на нефть и другое сырье. Но и в этом случае важно учитывать изменение в его природе в сравнении с предшествующим периодом. Ранее этот кризис выступал как трансформационный, связанный с непродуманным выбором

стратегии реформ. Теперь уже можно с полным основанием его назвать кризисом сложившейся в ходе проведенных реформ *российской модели капитализма*, которая приняла форму *рентного капитализма*.

Нынешняя ситуация в РФ невольно напоминает положение СССР в середине 1970-х годов, когда резкое повышение мировых цен на нефть сгладило остроту осознания истощенности устаревшей модели плановой экономики и необходимости ее коренного обновления. И в настоящее время благоприятная для нас конъюнктура на мировых рынках помешала правящей элите трезво оценить достигнутые результаты, возможности и пределы неолиберального реформирования. Свой выбор нынешняя власть сделала, как представляется, будучи непреложно уверенной в исторической перспективности либеральной модели экономики для нашей страны, ради достижения которой можно пожертвовать демократией, сложившимися хозяйственными традициями, менталитетом, социальным благополучием. Подчеркнем, что отсутствие критической рефлексии на предшествующий этап реформирования — это признак идеологической ортодоксальности и ограниченности, при которой чужие модели и рецепты воспринимаются как абсолютные, не подвергаемые никаким сомнениям, а в экономической политике отсутствует здравый прагматизм.

Даже назревший отход от либерального курса в политической сфере, нацеленный на восстановление потенциала государственного управления, оказался несопряженным с упорным сохранением догм неолиберализма в экономике. Все это не позволило своевременно и на деле развернуть экономику по направлению к модели, ориентированной на выпуск готовой продукции, не говоря уже о реальном усилении инновационности и наукоемкости производства. Да и в самой политической сфере произошло разворачивание в сторону бюрократического авторитаризма с падающей эффективностью государственного управления и коррупцией, консервацией высокого уровня социального неравенства и растущей социальной напряженностью в обществе. Такой разворот является достаточно закономерным результатом проведения неолиберальной модернизации в странах периферии, в частности, не раз он возникал в Латинской Америке²¹.

Если выделить более конкретно причины наступления нового кризиса в экономике России, то обнаруживаются две из них, которые действовали и в 1998 г.²² Речь идет, во-первых, о сохранившемся курсе на опережающую либерализацию финансовых рынков с их активным подключением к глобальной сети, которая рассматривалась как локомотив экономического роста и условие формирования эффективной рыночной экономики. Вместо того чтобы государству серьезно заняться созданием работоспособных национальных финансовых институтов, способных трансформировать огромные накопленные внутренние сбережения в инвестиции, и тем самым создать инвестиционно-инновационную модель роста, экономические власти занимались фантастическими проектами превращения РФ в один из регионально-мировых финансовых центров. В итоге российские компании и банки при нарастающем избытке денежного капитала внутри страны в основном стали кредитоваться в западных банках, что привело к значительной их задолженности, сопоставимой с замороженным стабилизационным фондом.

Так, в 2000–2007 гг. внешний долг российских банков увеличился с 7,8 до 148 млрд долл., а небанковских предприятий — с 21,5 до 230,4 млрд долл. При этом внешний долг государства сократился до 37 млрд долл. В кризисных условиях, когда доступность на мировые финансовые рынки значительно усложнилась, возникла серьезная угроза для российского бизнеса в виде проблемы рефинансирования долгов, а их в 2008 г. необходимо вернуть в размере более 100 млрд долл.

Во-вторых, необходимо также отметить серьезное негативное влияние поддержания открытости экономики с реализацией экспортно ориентированной стратегии развития. Именно связка либерально-финансовых методов в экономической политике в соединении с открытостью и экспортно-сырьевой стратегией не позволила своевременно провести необходимый структурный разворот российской экономики. Этим только подтверждается вывод о том, что сам по себе рынок, даже в условиях беспрецедентно благоприятных внешних условий развития, не в состоянии решать крупные структурные сдвиги, во всяком случае в приемлемые сроки.

В связи с наступлением экономического кризиса в РФ нельзя не коснуться хотя и конкретного, но ключевого вопроса о том, как лучше всего было использовать полученные «нефтьдоллары». Самые острые дискуссии велись именно по вопросу использования Стабилизационного фонда. Финансовая власть страны непреклонно стояла на позиции стерилизации этих средств, видя в них только инфляционную угрозу. Хотя под давлением с разных сторон и с учетом возникающих проблем частично происходило размораживание этого фонда. Сейчас можно услышать утверждение о том, что если бы Правительство не сохранило валютные активы в качестве резерва, то кризисная волна полностью накрыла бы российскую экономику. Однако в его оценке важно учитывать не только пока еще сохраняющуюся возможность смягчить кризис, но и нереализованный альтернативный вариант, связанный с масштабным финансированием структурной перестройки экономики России, нацеленной на преимущественное развитие отраслей готовой и особенно наукоемкой продукции. Ведь именно отход от рентно-сырьевой модели по-настоящему формирует крепкую экономику, способную выдерживать внешние перегрузки и эффективно отвечать на экономические вызовы. Этого не было сделано, и имевшийся шанс для экономического прорыва был упущен.

Что же касается накопленных валютных активов, то похоже, что они как пришли, оказавшись выведенными из нашей экономики, так и уйдут. Особенно если иметь в виду сохранение либерального режима в сфере финансов. Известно, что в РФ с 1 июля 2006 г. были устранены последние, еще действовавшие валютные ограничения на приток и отток капитала. Преждевременная открытость экономики и поспешная либерализация финансовой сферы придали российской экономике повышенные риски, которые свое нарастающее негативное воздействие усиливают наряду с ухудшением мировой конъюнктуры, резко снижая результативность антикризисных мер и, в частности, закачивания денег в банки и реальный сектор экономики. Для иллюстрации приведем примеры. Так, по сведениям ЦБР, отток капитала за 11 месяцев 2008 г. превысил 80 млрд долл., а к концу года увеличится не менее чем до 100 млрд долл. До 40% направленной государством ликвидности для преодоления кризиса кредитования были переведены в иностранные валютные активы, образовав отток капитала из страны. Неудивительно, что и население ведет себя так же, стараясь перевести свои сбережения во вложения в иностранные валюты. Доля валютных вкладов населения уже к ноябрю 2008 г. увеличилась до 20% (весной она была 14%). Если же иметь в виду, что общая величина вкладов населения только в банковской системе страны составляет 5,98 трлн руб. (на 1 ноября 2008 г.), то нетрудно оценить потенциальную угрозу для устойчивости валютного курса рубля в условиях открытия против него «второго фронта».

Антикризисные меры и изменение принципов функционирования экономики

Кризис уже запомнится огромными финансовыми потерями и вложениями государств в его блокирование и преодоление. Так, только в октябре 2008 г. в США на выкуп у финансовых компаний неликвидных активов, производных от ипотеки, было направлено

700 млрд долл. В следующем месяце Американское правительство приняло решение о выделении дополнительных 800 млрд долл. на поддержку рынка недвижимости, потребительского кредита и малого бизнеса. В свою очередь, потери стран ЕС осенью этого же года в результате мирового финансового кризиса потребовали мобилизации ресурсов в 800 млрд евро и т. д. В целом же совокупные убытки компаний во всем мире к концу ноября 2008 г. оценивались в 2 трлн долл.²³ В таблице представлены данные (на 1 ноября 2008 г.) о финансовых средствах, направленных на борьбу с кризисом.

Финансовые затраты на борьбу с кризисом

Страны	Сумма (трлн долл.)	В % от ВВП	Страны	Сумма (трлн долл.)	В % от ВВП
Великобритания	1,0	37	Россия	0,22	13,9
США	3,5	25	Китай	0,57	13
Германия	0,89	23	Япония	0,58	12

Источник: РБК daily. 2008. 13 ноября.

Если же попытаться оценить общую сумму, зарезервированную властями США для борьбы с финансово-экономическим кризисом, то она уже превышает 8 трлн долл. (!), что составляет более 50% ВВП страны. Никогда и ни за что в своей истории американцы не платили столь дорогую цену. Даже их затраты на Вторую мировую войну вместе с ядерным Манхэттенским проектом оцениваются сейчас с поправкой на инфляцию примерно в 3,6 трлн долл. На послевоенное восстановление всей Западной Европы США затратили по плану Маршалла в сегодняшних деньгах примерно 115 млрд долл.²⁴

Хотя масштабы потерь от кризиса впечатляют, но не менее существенны запущенные разрушительные процессы, которые затронули практически все звенья мировых финансов. В качестве примера сошлемся на кризисную ситуацию на мировых фондовых площадках. За последние 12 месяцев произошедший на них обвал превысил 16 трлн долл., или более 35% суммарной капитализации фондовых рынков, при этом почти половина приходится на американский рынок²⁵.

Не менее значима и проблема снижения эффективности отработанных ранее антикризисных регуляторов, что особенно характерно применительно к политике манипулирования ставкой рефинансирования. После многократных снижений ее величина в середине декабря 2008 г. достигла рекордно низких значений: в США — 0,25, в Японии — 0,1, в ЕС — 2,5%. При этом результативность таких мер оказалась крайне низкой, несопоставимой с прошлыми периодами. То же самое можно сказать и о фактически отрицательном влиянии снижения квот на поставки нефти странами ОПЕК с точки зрения стабилизации цен на нефть.

Масштабность разворачивающегося кризиса подтверждается и тем, что экономические издержки несут уже не одна финансовая сфера, а все большее число простых граждан. Так, в результате резкого падения цен на недвижимость у каждого пятого американца, прибегшего к ипотечному кредитованию, долг перед банком оказался больше денег, которые можно выручить от продажи взятых в ипотеку жилищ. Еще один существенный канал потерь населения США связан с уменьшением накоплений в пенсионных фондах, которое составило уже 2 трлн долл.²⁶ И такого рода потери населения будут нарастать по мере распространения кризиса на сферу производства и появления массовой безработицы.

Это означает, что разрабатываемые повсеместно программы вывода экономики из кризиса должны не только учитывать собственно антикризисную составляющую, но и быть нацелены на изменение принципов функционирования экономики и на переход к новой экономической модели, по крайней мере, с меньшими кризисными рисками. В этой связи характерными представляются оценки, даваемые на взлете нынешнего кризиса высшими должностными лицами, в частности, европейских государств. Так, президент Франции Н. Саркози в одном из своих выступлений указал, что «экономикой XXI века должна стать социальная экономика», которая придет на смену «дикому безграничному капитализму». Характерно и высказывание министра финансов Германии П. Штайнбрюка, которое прозвучало в бундестаге. Он заявил, что «англосаксонская система капитализма исчерпала себя», а «США утратили роль финансовой сверхдержавы»²⁷.

Вполне закономерно, что меры, которые предпринимаются большинством стран мира, при всем их разнообразии прежде всего нацелены на массивное государственную интервенцию в деятельность многочисленных финансовых институтов (ипотечных агентств, страховых компаний, банков и т. д.). Если бы не была обеспечена такая мощная государственная подпитка, то финансово-банковская система в большинстве стран мира уже давно обрушилась бы с последствиями, для нее еще более тяжелыми, чем это было в 1929–1933 гг. Причем такое масштабное вторжение государства нередко оценивается уже не как чрезвычайная антикризисная мера, но и как возможный прообраз будущей экономической модели. С этим связано и появление таких ее обозначений, как «финансовый социализм», призванный национализировать хозяйственные риски в интересах их минимизации и этим воздействовать на блокирование предпосылок возникновения будущих кризисов.

Ощущение необходимости реформирования современной экономической модели вполне адекватно отражает нарастание тревоги из-за беспрецедентных потерь, которые в ходе развертывания кризиса несут государства, бизнес и население. В настоящий период, конечно, сложно предугадать возможные направления изменения в принципах функционирования экономики. Тем более что по мере ослабления кризиса с неизбежностью усилится столкновение возрождаемой догматики финансового гегемонизма с хозяйственной прагматикой. Тем не менее уже произошедшие события в мировом хозяйстве дают все основания для вывода о вызревании потребности в смене сложившейся экономической модели, главный акцент которой должен быть сделан на ограничение возможности спекулятивных операций. В числе таких мер могут быть следующие.

1. Создание общемировой резервной валюты (не исключая возможности возвращения золота в таком качестве) с фиксированной привязкой к ней национальных валют. Или, как переходная мера, образование системы региональных резервных валют с реорганизацией МВФ и ВБ²⁸.

В этом случае можно говорить о возникновении поливалютной системы как корзины региональных резервных валют с фиксированными курсами.

В более широком контексте речь идет об отказе от сложившегося после краха Бреттон-Вудской системы (1971 г.) эмиссионного характера обращения валют и восстановлении их обеспеченности реальными активами. Надо учитывать, что эмиссия необеспеченных денег рождает экономику необеспеченных долгов с неизбежными спекулятивными пузырями. В этих условиях возвращение золота в мировой денежной системе (теоретически как и любого другого реального актива) придает деньгам подлинную универсальность, равноправие и надежность. Характерно, что, несмотря на обвал цен на сырьевые товары, золото при всех колебаниях сохранило ценовую устойчивость в течение всего 2008 г.

(в январе цена грамма золота была около 28,5 долл., в декабре — примерно 27,5 долл.) и имеет тенденцию дальнейшего роста. При этом золотой запас, хранимый в ЦБ стран мира, превышает 30 тыс т, что в нынешних ценах составляет более 900 млрд долл.

2. Установление жестких и прозрачных правил регулирования рынка сложных (вторичных) финансовых инструментов с созданием контролируемых площадок (например, в виде клиринговой палаты), на которых осуществляется их биржевая торговля.

3. Введение дополнительного налога на все спекулятивные сделки.

4. Переход к системе фиксированных цен на энергоносители (нефть) на мировых рынках с использованием процедуры периодических их пересмотров на основе баланса интересов производителей и потребителей.

5. Возвращение в международную практику разграничения деятельности коммерческих и инвестиционных банков, при котором КБ запрещается заниматься операциями с акциями.

Предлагаемые меры, естественно, не исчерпывают всего пакета других изменений и требуют дополнительной проработки. Но они, на наш взгляд, раскрывают логику и направленность перемен в мировой хозяйственной сфере, если по-настоящему решать задачу трансформации спекулятивно-финансовой модели экономики. Так же как после Великой депрессии капитализм перешел к модели регулируемой экономики, и на современном этапе в посткризисном периоде можно ожидать дальнейшее расширение модели регулируемой экономики, но уже применительно к сфере финансов и с учетом использования как национальных, так и международных регуляторов. По сути дела, речь идет о переходе к новому качеству современной государственно-регулируемой экономики: *созданию глобально-региональной модели регулируемой рыночной экономики.*

Что она может представлять собой?

Прежде всего, в ней должны быть найдены четко обозначенные сферы преимущественно наднационального регулирования финансовой деятельности с созданием соответствующих международных координирующих центров и разработкой обязательных и рекомендательных правил и норм. Относясь к области международных финансовых отношений, такой сегмент формирующегося механизма регулирования дополнит действующий механизм государственного управления национальных финансовых и хозяйственных систем. Тем самым удастся разрешить конфликтность между действующей на национально-воспроизводственном уровне модели государственно регулируемой экономики и фактически нерегулируемой глобально функционирующей финансовой сетью, если не считать доминирования в ней стихийных и спекулятивно-рыночных инструментов, которые и заложили истоки современного мирового кризиса.

Еще одна характеристика такой, возможно, новой системы глобального регулирования финансов связана с соотношениями в ней глобализации и регионализации, глобального и национального. Речь идет о том, что попытка форсирования глобализации через подавление национального в экономике в условиях чрезвычайно высокой дифференциации условий хозяйствования и огромных разрывов в уровнях развития и в экономических интересах должна быть оценена как нереалистичная, а ее упорное продвижение как раз и стало одной из причин возникшего глобального кризиса. Поэтому в области регулирования больший акцент целесообразно сделать с глобального на региональный уровень, имея в виду, что в перспективе для мирового хозяйства более реалистичным представляется не усиление глобализации, а тенденция к регионализации в мировом хозяйстве, реализующая объективную закономерность в расширении «больших пространств», но с достаточной социохозяйственной однородностью и близостью в уровнях развития.

Не случайно, сегодня в мире уже действует более 30 интеграционных группировок разного формата и реализуется около 80 региональных торговых соглашений.

Это означает, что процесс перестройки организации хозяйственной деятельности в посткризисный период должен привести к формированию системы регулирования с тремя взаимосвязанными и скоординированными их уровнями: глобальным, региональным и национальным. В принципе не исключен и альтернативный сценарий, связанный с возвратом к системе проверенных национальных регуляторов, действующих в условиях большей закрытости своих финансовых рынков и протекционизма.

Не менее сложные проблемы встают в России как собственно с преодолением кризиса, так и со сменой ее национальной модели, т. е. необходимо освободиться не только от присутствующих в ней спекулятивных компонентов, но и от сырьевой однобокости.

Что касается недостающих антикризисных мер, то, не вдаваясь в детали, следует обратить внимание на еще нереализованную их часть. На наш взгляд, целесообразно обеспечить согласованное осуществление следующих мероприятий: сократить НДС дифференцированно по отраслям с приоритетом для обрабатывающей промышленности и наукоемким производствам → снизить учетную ставку и добиться удешевления кредита → ужесточить контроль за ценами естественных монополистов → создать нормально работающие каналы доведения выделяемых государственных средств до целевых получателей, особенно имея в виду регионы, средние и малые предприятия. В целом же в кризисной ситуации Российскому правительству надо не спасать бизнес, а тем более олигархов, а стимулировать производство и поддерживать незащищенные слои населения. В свою очередь, закачивание значительных государственных средств в экономику должно носить в большей степени избирательный характер и не превратиться в фактор консервации устаревших и малоэффективных производств.

В перспективном плане и с учетом возможных перемен в мирохозяйственном устройстве в РФ следует сосредоточить внимание на следующих направлениях развития финансовой сферы.

Во-первых, отказаться от плана превращения российского рубля в резервную валюту, даже в рамках СНГ. Зачем на себя брать дополнительные валютные риски при ослабленной экономике? Тем более что превращение национальной валюты в международную не зависит от желания государств. Ставка должна быть сделана на поэтапное создание коллективной (резервной) валюты странами СНГ (или их части), так же как это происходило в ЕС, что оправданно экономически и политически. Начинать следует с создания коллективной валюты для безналичных расчетов и соответствующего банка (здесь можно опереться на опыт использования переводного рубля в странах СЭВ) с одновременным формированием базовых макроэкономических параметров для участия стран в создаваемом общем валютном пространстве (уровень инфляции, внешняя задолженность и т. д.).

Перспективность такого пути развития финансово-экономических отношений заключается не только в совместном и более эффективном противодействии глобальному кризису, но и в том, что он позволяет на деле сдвинуть экономическую потребность в восстановлении разрушенного высокоинтегрированного пространства на основе равноправия и взаимовыгоды, а также с учетом использования рыночных принципов.

Во-вторых, такой же бесперспективной представляется отстаиваемая даже в условиях кризиса идея о превращении России (Москвы) в один из мировых финансовых центров. Это тем более странно, поскольку еще неизвестно, что собой будет представлять мировое финансовое устройство в будущем. К тому же создание такого центра предполагает прежде всего эффективное функционирование фондового рынка, который произошедшим своим

обвалом как раз и продемонстрировал максимальную незащищенность и уязвимость. Приоритет должен быть отдан серьезной работе по формированию национальных финансовых институтов трансформации сбережений в инвестиции при активном участии государства и с использованием его ресурсов *с особым акцентом на развитие надежной и защищенной национальной банковской системы*. Более конкретно, он может быть реализован через такой его конкретный сегмент, как рефинансирование внешних долгов российских компаний.

В-третьих, в русле деспекулятизации экономики России и общего финансового оздоровления целесообразно ввести запрет на использование ценных бумаг в качестве залога для получения кредита. Сегодня он превратился в очередной способ передела собственности, не говоря уже об его спекулятивном мотиве. Подчеркнем, что особая острота в современном финансовом кризисе в России связана не только с трудностью возврата значительных долгов иностранным кредиторам, но и с опасностью лишиться контроля над крупнейшими и стратегическими российскими компаниями. Использование в качестве кредитного залога имущества (оборудования и других элементов физического капитала), так же как и выпускаемой продукции, не только ограничит спекулятивный интерес банков, но и создаст у них заинтересованность в действительном улучшении хозяйственной деятельности предприятий реального сектора экономики.

В-четвертых, бесспорно правильным и своевременным было решение о повышении нормы страхования вкладов физических лиц (до 700 тыс. руб.), но вызывает сомнение ее распространение на валютные вклады. Российское правительство должно в первую очередь думать об укреплении и поддержании собственной валюты, а не заботиться о чужих валютах.

Действенность антикризисных мер в России в значительной мере зависит от восстановления доверия населения и бизнеса к проводимой Правительством политике. Собственно, главная причина любого финансового кризиса заключается в кризисе доверия. Обвал финансового рынка и происходящее бегство от рубля, стимулированное ползучей девальвацией национальной валюты и одновременно ее подстегивающее, – это самые достоверные показатели отношения общества к Правительству и его экономической политике. Для того чтобы восстановить доверие самому Правительству, прежде всего следует устранить противоречие в собственной деятельности. Закачивая денежные ресурсы в финансовую систему и в производство, защищая внутренний рынок, пора объективно оценить свою приверженность догмам неolibеральной экономики в прошлом, а предлагаемые антикризисные меры дополнить новым и реалистичным взглядом на будущее российской экономической модели.

Таким образом, мировому экономическому сообществу и Правительству РФ в ближайшие годы предстоит принять ответственные решения, которые при благоприятном развитии событий могут принципиально изменить облик современной экономики.

¹ Причем именно в Аргентине суверенный дефолт, объявленный в декабре 2001 г. из-за невозможности разблокирования кризисной экономики страны, оказался рекордным в истории мировой экономики, достигнув величины в 144,5 млрд долл.

² Отметим, что развитие экономики России в этот период отличалось длительным и глубоким кризисом. Но и в РФ накануне обострения кризиса в 1997 г. по основным экономическим параметрам можно было зафиксировать признаки наступления экономического оздоровления.

³ Всего в процессе первой волны глобального кризиса произошло 9 суверенных дефолтов. В частности, РФ в августе 1998 г. дефолтировала долговые обязательства на сумму в 31,8 млрд долл.

⁴ См.: *Аникин А. В.* История финансовых потрясений. От Джона Ло до Сергея Кириенко. М., 2000. С. 286–287; *Долженкова Л. Д.* Кризисы и реформы. М., 2004. С. 68.

⁵ Дж. Стиглиц сформулировал данный вывод, выделив его в тексте, следующим образом: «... Либерализация капитального счета была *единственным наиболее важным фактором, приведшим к кризису*» (*Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 126).

⁶ *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 127.

⁷ *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. 158.

⁸ В качестве примера дерегулирования в финансовой сферы США с серьезными для нее последствиями следует назвать фактическую отмену в 1999 г. разделения депозитных и инвестиционных функций банков, которое было установлено в 1933 г. (закон Гласса–Стиголла) как антикризисная мера, призванная сдерживать спекулятивные операции и тем самым снизить риски на финансовых рынках.

⁹ Как представляется, наиболее ярко выраженную модель финансового капитализма с непосредственной погруженностью в глобальную финансовую сеть продемонстрировала Исландия. Так, активы банковской системы этой страны в 9 раз (!) превысили объем ее ВВП. Такой выросший финансовый пузырь, оторванный от реальной экономики, не мог не лопнуть. Произошло обрушение этой модели, сопровождаемое дефолтом, развалом банковской системы и наступлением масштабной рецессии.

¹⁰ Официальный сайт РПЦ (<http://www.mospat.ru>).

¹¹ Как писал Дж. Кейнс, «по мере того, как совершенствуется организация рынков инвестиций, опасность преобладания спекуляции возрастает». Инвестирование денег связывается не столько с ожидаемым доходом, сколько «с благоприятными изменениями в совокупности психологических предположений, на основе которых формируется рыночная оценка» (*Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 223).

¹² Ведомости. 2008. 17 ноября.

¹³ Профиль. 2008. № 42. С. 23.

¹⁴ Ведомости. 2008. 17 ноября. Последняя цифра представлена Базельским институтом международных расчетов (Коммерсантъ. 2008. 15 дек.).

¹⁵ Цит. по: Маэстро бума. Уроки Японии: Сборник статей. Челябинск, 2003. С. 54.

¹⁶ Причем в экономике США созданы специальные финансовые инструменты, которые позволяют обогащать инвесторов-спекулянтов в случае падающих рынков. Иначе говоря, зарабатывать на кризисе. Так, инвестиционный фонд, во главе которого Дж. Полсон, в 2007 г. заработал в США на наступающем кризисе почти 4 млрд долл. (прибыльность составила 550% за год), играя на инверсионной (падающей) динамике индекса Dow-Jones (см.: Компания. 2008. № 46. С. 24).

¹⁷ Характерно то, что, согласно прогнозам, подготовленным в докризисный период, при увеличении американского дефицита к 2012 г. до 1,6 трлн долл. (или 9% ВВП) профицит в капиталоизбыточных странах увеличивался к этому периоду до 2,1 трлн долл.

¹⁸ Ведомости. 2008. 19 ноября.

¹⁹ Максимальное значение фондового индекса РТС достигало значения в 2488 пп. (май 2008 г.), а размер капитализации российских компаний превышал 1,3 трлн долл. (или 138% ВВП). Но уже в сентябре этого года произошел фактически крах фондовой биржи с падением фондового индекса на 58% (для сравнения: обвал фондового рынка страны в августе 1998 г. составил 89%). Начальным его импульсом, как и в 1998 г., стал форсированный уход с этого рынка нерезидентов, доля которых в торгуемых акциях, а их объем составлял примерно 300 млрд долл., достигала 70%.

²⁰ Ведомости. 2007. 28 дек.

²¹ О сопоставлении рыночных реформ в Латинской Америке и РФ см.: *Рязанов В. Т.* Модернизационные процессы в экономике стран Латинской Америки: уроки для РФ // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2005. Вып. 3. С. 76–89.

²² Анализ причин кризиса в РФ в 1998 г. см.: *Рязанов В. Т.* Постлиберальная экономика и ее возможности в преодолении кризиса в России. СПб., 1999.

²³ Здесь и далее данные приведены по интернет-источникам.

²⁴ Российская газета. 2008. 4 дек.

²⁵ Ведомости. 2008. 22 сент.

²⁶ Следует учитывать, что в США до 60% средств пенсионных фондов вложены в акции.

²⁷ РБК daily. 2008. 29 сент.

²⁸ В настоящее время в разных стадиях проработки находятся три таких проекта. Это создание региональных валют в странах Восточной Азии, арабских странах, государствах Латинской Америки.

Статья поступила в редакцию 24 декабря 2008 г.